

Олеся КИНАРЕЙКА

Андрей Петрович Рябушкин — автор плафона глазуновского зала

Если вы когда-нибудь были абитуриентом, то наверное знакомы с состоянием, когда нервы напряжены до предела, в голове ежеминутно крутятся какие-то лейтмотивы, руки судорожно выигрывают пассажи на всех попадающихся стенах, стульях, коленях. Испытания предваряет встреча с ректором... Что будет? Как повернется судьба? И вот с этими тревожными мыслями впервыеходишь в Малый зал. И что же? Куда улетучились те самые переживания?

— Ух ты! — то и дело слышно по сторонам.

— Какая красота (красотица)! Взгляни, какие узоры везде: на стенах, карнизах...

— Да, и на стульях! Наверное, на них просто сидеть — одно удовольствие!

— Гляди, даже на самой сцене какие-то орнаменты!

— О! Это же настоящий орган! — воскликнул кто-то. — Так, значит, здесь я буду блистать, когда поступлю на органный.

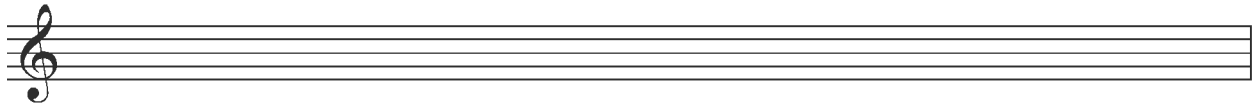
— Не получится! — ответил не раз бывавший здесь на концертах петербургский пианист. — Вначале посмотрим, как ты выдержишь соревнование со мной. А вообще, сейчас это лишь декорация: сам инструмент на ремонте. Зато я играл в органном классе на 4 этаже!

— Погодите зазнаваться, лучше рассудите нас: кто на этом портрете — Бетховен?

— Главное, не скажите этого на коллоквиуме. Это же Антон Рубинштейн. Без него и консерватории бы не было.

И в бурных обсуждениях зала все больше людей обращает свой взор вверх и внезапно замолкает, потому что именно там одно из самых завораживающих своей красотой украшений — роспись плафона.

Думаю, что у многих, взглянувших впервые на это творение, возникло схожее с моим ощущение чистой, вдохновенной, притягивающей открытости. Все в этой росписи будто дышит, волнуя нас. Три панно объединяются в бесконечно гармоничное пространство, которое будто наполняет всех глядящих своим воздушным соком. И действительно — над нашими головами — чистое голубое небо. В проплывающих белых облаках парит окруженный амурами с гирляндами цветов Аполлон-Мусагет, предводитель муз, покровитель искусств. На нем белый хитон и красный плащ, развевающиеся в воздушном потоке, а в руках — кифара. Вокруг него — изображены музы Полигимния, Евтерпа, а над органом — Каллиопа и прекрасноголосый Орфей, играющий на флейте. Такая поэтичная картина, несомненно, не могла оставить равнодушными и не заинтересовать всех проходящих в Малый зал консерватории. Именно поэтому, вспомнив свое

сильнейшее впечатление от плафона, я среди множества предложенных любопытных тем выбрала эту.

Да, поразились и вдохновились многие, но, наверняка, далеко не каждый задался вопросом: а кто же создатель этой красоты? Ведь настоящее творение становится прекрасным и неповторимым благодаря индивидуальным качествам его автора. Наш плафон был написан Андреем Петровичем Рябушкиным (1861–1904). И неважно, что сейчас в зале А.К. Глазунова красуется не первоначальный вариант художника: ведь прошло более ста лет с тех пор, как в 1896 году этот плафон украсил зал одновременно с открытием здания консерватории. Естественно, что за такой большой срок проводились различные ремонты. Не забудем и о трагических последствиях Великой Отечественной войны, когда сильно пострадали многие помещения Консерватории. Тем не менее, вложив в работу немного вдохновенного труда, таланта и большого вкуса, реставраторы в 1970 году (руководитель реставрации — А. Трескин) вернули ему былую красоту, максимально приблизив к замыслу автора. Они внимательно изучили наброски, рисунки, эскизы А.П. Рябушкина, по которым в свое время художник выполнил плафон вместе с помощником В. Беляевым.

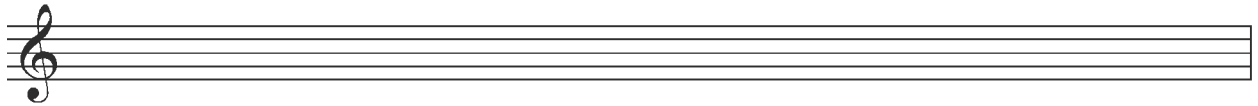
По счастливому стечению обстоятельств, 6 эскизов центрального панно (в том числе и утвержденный Александрой Иосифовной, тогдашней покровительницей ИРМО) оказались в музее истории нашей Консерватории, и мне удалось их подробно рассмотреть. Интересно, что между всеми ними есть существенные различия, которые очень влияют на восприятие изображаемого. Думаю, одной из важнейших задач, стоящих перед Рябушкиным, было как можно более естественно расположить в пространстве фигуры Аполлона и ангелов по отношению к нам, зрителям; ведь мы смотрим на небо, то есть снизу вверх. Если бы на плафоне художник изобразил их так, как на первом эскизе, то впечатление было бы менее поэтичным: лиц практически не видно, зато очень хорошо обзрываются милые детские пяточки.

Меняется в эскизах и небо: насыщенный, яркий голубой цвет осветляется до нежного тона и занимает все меньшее пространство, в результате выделяя только фигуру Аполлона как центральную и отдавая место облакам, визуальнo увеличивающим объемность, воздушность изображения. Цветы постепенно выделяются все меньше, превращаясь в изысканные тоненькие веточки.

Пронаблюдав такие интересные различия, позволю себе предположить, что А.П. Рябушкин от одного эскиза к другому идет по пути к образу нежному и одухотворенному.

Следующим моим шагом в исследовании стала попытка узнать о самом Андрее Петровиче, о его творчестве, о том, почему именно этот художник был выбран для росписи плафона Малого зала строившегося здания Консерватории.

К своему удивлению, я не нашла ответа на этот вопрос ни в консерваторской библиотеке, ни в Российской Национальной. В КГИОПе

же не сохраняют информации о проведенных работах. И в Русском музее ее тоже не оказалось. Даже в фирме «Ника», которая осуществляла последний ремонт зала им. А.К. Глазунова, мне не смогли помочь. Мало того, ни в одной из Рябушинских биографий не сказано ни слова об этой его работе, на мой взгляд, очень значительной.

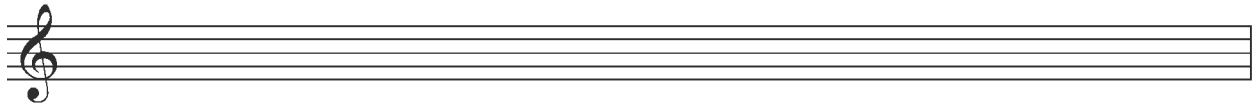
Детство Рябушкина протекало в селе Станичная Слобода Борисоглебского уезда Тамбовской губернии. В семье крестьянина Петра Васильевича Рябушкина он был вторым сыном (родился 17 октября 1861 года). Отцовский дом всегда был наполнен острыми запахами олифы, красок. Со всех сторон на мальчика смотрели строгие лики русских святых. Икон было множество, и он вместе со старшим братом должен был помогать отцу в выполнении всех церковных заказов.

Судьбу Рябушкина решила встреча с художником А.Х. Преображенским. Благодаря заботам этого человека, 14-летний Андрей попадает в московское Училище живописи, ваяния и зодчества.

Тема Рябушкина определилась быстро: русская деревня, — она была всегда частью его собственной жизни. И В.Г. Перов, у которого он учился в училище, любил крестьянского мальчика за самобытность, за глубокое знание народной жизни.

Художник М.В. Нестеров — однокурсник Рябушкина вспоминал, что когда обожаемый всеми Перов шествовал в сопровождении учеников в свой класс, то замыкающим это шествие был его любимец «талантливый, тихий-тихий А.П. Рябушкин». С самых ранних лет он старался быть незаметным, хотя на его успехи часто обращали внимание. «Вениамин натурного класса». — таково было прозвище Рябушкина. Одаренность юноши оценил и П.М. Третьяков, который в 1880 году купил с ученической выставки его небольшую картину «Крестьянская свадьба».

Позже, когда художник поступил в Петербургскую Академию художеств (1882 г.), остро проявился его интерес к истории, к ее воплощению в народном творчестве. Особенно его привлекает историческое прошлое России. И чем больше он приглядывается к современной ему действительности, тем острее его привлекает прошлое, все более ярко проявляется интерес художника к Древней Руси, старинному укладу жизни, национальному искусству XVII века. Вместо заграничной поездки, на которую деньги ему выделил из своих средств Великий Князь, Рябушкин отправляется в путешествие по старинным городам России. К этому времени (1891 г.) он уже заканчивает Академию. Позади остались 8 месяцев изнурительной работы над программой на большую золотую медаль. Петербург, как он говорил, ему «ужасно надоел». И теперь Рябушкин, идя по зову своего сердца, свяжет свою жизнь с деревней: усадьба Приволье недалеко от села Доброго, что на границе Ленинградской и Новгородской области, станет его домом до конца жизни. Здесь он создаст все свои лучшие произведения, а крестьяне этих деревень станут героями его полотен.

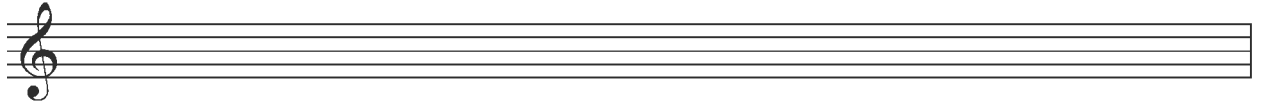
Небольшую хрупкую фигуру Рябушкина можно было встретить на всех деревенских посиделках и беседах, на вечеринках и свадьбах.

Крестьянские образы привлекали его своей необыкновенной поэтичностью. Внимательно вглядывался он во все происходящее вокруг, вслушивался в звуки старинных песен. Иногда Рябушкин устраивал посиделки у себя в просторной светлой мастерской.

«Нынче вечером, — пишет он из Приволья, — у меня собирается беседа. Придут Наталья, Марья, Ганя, Аннушка и Ирина. Будет, нужно думать, весело. Они придут с плясками, а я купил в Петербурге тальянку. Товарищ мой здорово играет на балалайке...»

А утром мастерская преображалась. Разбросаны по полу эскизы, рисунки. Сам художник, все время поправляя спадающие на лоб светлые волосы, ходит вперед и назад, рвет показавшийся ему неудачным эскиз. Потом подходит к мольберту и начинает что-то переписывать. На мольберте большое полотно горизонтального формата. Из темноты фона возникает изображение низкого бревенчатого помещения, старинных русских одежд... «Воскресенье в деревне», «Русские женщины XVIII столетия в церкви», «Московская улица XVII века в праздничный день», «Ожидание новобрачных от венца», все эти полотна Рябушкина доносят до нас живое дыхание народного быта. Рябушкину суждено было сказать свое очень значительное слово в истории русской живописи. Он сумел с удивительной поэтичностью передать очарование русской народной жизни, воспеть необыкновенную красоту национального декоративного искусства.

Наверняка у читателя непроизвольно возник тот же вопрос, что заинтересовал и меня: как в творчестве Рябушкина появилась такая необычная для его стиля работа, как роспись плафона консерваторского зала? Я не предлагаю конкретного ответа, тем более, что пока неясно, почему это задание было поручено именно Рябушкину. Я только попыталась найти какую-то связь. Она, без сомнения кроется в той самой поэтичности, эмоциональном богатстве, живой непосредственности, с которыми художник пишет все свои полотна. Его картины далеки от какого бы то ни было бытовизма. Главную свою задачу он видел в создании того настроения торжественности, душевной ясности, в котором выражалась его убежденность в извечной красоте народа, красоте его обрядов и обычаев. Искренний взор крестьянской девушки — и благородный облик Аполлона-Мусагета... И то, и другое воплощает всеобъемлющую красоту, к которой ведет нас «тихий» художник — Андрей Петрович Рябушкин.

ИСПОЛЬЗУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Большая советская энциклопедия. Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. Т. 22. М., Советская энциклопедия, 1975.
2. *Кузнецов Б.М.* Андрей Петрович Рябушкин. Л., Художник РСФСР, 1969.
3. *Масалина Н.* Андрей Петрович Рябушкин. М., Искусство, 1966.
4. *Минкина Ю.* Дипломная работа «Малый зал им. А.К. Глазунова. Страницы летописи». Л., 1990.
5. *Мурина Е.Б.* Андрей Петрович Рябушкин. М., Советский художник, 1961.
6. *Тигранов Г.* Здесь муз большое торжество. Музыкальные кадры, 1970. 28 декабря.
7. Энциклопедия русской живописи. Под ред. Т.В. Калашниковой. М., ОЛМА-ПРЕСС, 1999.